

Бир бор экан, бир йўк, экан, иккита опа-сингил бўлган экан. Каттасининг оти Гулнора, синглисининг оти Оймома экан.

Икков қувнаб-қувнаб ўйнашар, хахолаб кулишар, кечаси бир кўрпада ётишар, опаси синглисига қизиқ-қизиқ эртақлар сўзлаб берар экан.

Гулнора билан Оймома кичкина эканларида онадан етим қолишибди.

Кунлардан бир куни тиллари чучук Оймома отасига:

— Дада, менга ойи ойиб бейинг, — дебди.

Отаси қизларимга қарар, деган умидда бир хотинга уйланибди.

Ўгай она ўспирин ўғли билан Гулноралар уйига келибди. Уйга кириши биланоқ:

— Тўполон қилманглар! — дебди у ўйнаб ўтирган Гулнора билан Оймомани жеркиб.

Қизлар лабларини тишлаб жим қолишибди.

Ўгай она бераҳм экан. Гулнора уйни чиннидай қилиб тозалар, сув келтирар, ўтин ёрар, ош пиширар, қозон-товоқ ювар, шундай бўлса ҳам ўгай онанинг кўнгли тўлмай, қарғар экан. Қиз бечора қанча азоблар чекмасин, бошидан не кулфатлар кечирмасин, қанчадан-қанча калтақлар емасин, ғиқ этмас экан, фақат ичидан куйинар ва бу уйдан узоқ-узоқларга бош олиб кетиш йўлини ўйлаб юрар экан.

Кунлар, ойлар, йиллар ўтаверибди. Қизнинг ҳуснига ҳусн қўшилибди, ўн беш кунлик ойдек тўлишибди. Оймома эса еттига кириб, гулдай очилибди.

Гулноранинг доврўғи бутун дарага кетибди.

Сулув қиз...

Унинг номи ҳамманинг тилида экан.

Гулнорани сўраб, совчи устига совчи ёғилибди. Ўгай она чечан қизнинг ўз қўлидан чиқиб кетишидан кўрқиб, зимдан ўғлига фотиҳа қилибди.

Ўғил бефаросат, дағал ва хунук экан.

Қиз уларнинг бу фикридан беҳабар экан.

Ана-мана дегунча тўй тараддуди кўрилиб, келин тушар пайт ҳам етибди.

Кун оғиб қолган экан. Гулноранинг олдига тўй безаклари ва кийимларини келтириб қўйишибди.

— Бу нимаси?..

Гулнора ажабланибди ва синглиси Оймомани чақриб:

— Уйда нима гап, синглим? — деб сўрабди нафаси сиқилиб.

— Тўй бўляпти.

— Нима, нима?

— Дадам билан ойим сизни узатар эмишлар, сиздан мен ажралиб қолар эмишман, опажон, — дебди Оймома хафа бўлиб.

Жили-были две сестрички. Старшую звали Гульнора, а младшую Аймома. И были они неразлучны: вместе играли, веселились, даже спали под одним одеялом. Старшая сестра знала много интересных сказок и охотно рассказывала их младшей.

Когда девочки были еще маленькими, умерла их мама.

Однажды Аймома, которая в ту пору даже ещё не умела как следует говорить, попросила отца:

— Папочка, подарите мне маму!

Подумал, подумал отец, и решил жениться, чтобы было кому за дочерьми присматривать.

И пришла вскоре к ним в дом мачеха со своим сыном. А придя, сразу же, с порога, прикрикнула сердито на игравших в углу девочек:

— А ну-ка, не шуметь! Чтоб мне в доме тишина была!

Испугались девочки и притихли.

Мачеха оказалась злой и сварливой женщиной. Как ни старалась Гульнора — и дом убирала, да так, что ни единой пылинки не оставалось, и воду из родника носила, и пищу готовила, и посуду мыла — всё равно была она недовольна и без конца ругала бедную падчерицу. Гульнора молча сносила все обиды, унижения и даже побои, только в душе очень страдала и мечтала вырваться из этого ада.

Шли дни, месяцы, годы. Гульнора выросла, хорошела и стала прекрасной, словно молодая Луна. Подросла и Аймома, и тоже расцвела, словно чудесный цветок.

Молва о красавице Гульноре разнеслась далеко-далеко, и имя её было у всех на устах.

И зачастили к ним в дом сладкоречивые сваты — Гульнору сватать. Испугалась тут мачеха, что уйдёт из дома покорная работница, на все руки мастерица, и надумала женить на ней своего сына.

А был её сын неумён, груб, да к тому же и некрасив.

Бедная Гульнора в трудах и заботах даже и не догадывалась о том, что задумала коварная мачеха. А свадьба, между тем, близилась, и наступил день, когда принесли Гульноре свадебный наряд и украшения.

— Что это? — удивилась она и, предчувствуя недоброе, позвала сестричку: — Скажи мне, родная, что в доме у нас происходит?

— К свадьбе готовятся.

— Что, что?

— Отец с мачехой замуж вас выдают, разлучить нас хотят, — стараясь сдержать слёзы, ответила Аймома.

— Рост айтяпсанми? Кимга? — деб сўрабди томоғига бир нарса тиқилиб Гулнора.

— Акамларга эмиш. Онам билан дадам гапиришганда билиб олдим.

— Вой ўлмасам... — Гулнора ўзини йўқотиб, жим бўлиб қолибди.

«Шунча азоб тортганим етмагандай, яна зўрлаб эрга бермоқчилар... вой шўрим...» деб қайғурибди Гулнора.

У қанча уринса ҳам дардига даво тополмабди ва охири бу уйдан бош олиб кетишга қарор қилибди.

— Кетаман...

У Оймомани бағрига босиб қаттиқ ўпибди-да, дарчадан кўчага сакраб чиқиб кетибди.

Келиннинг кийинишини кутиб турган янгалар унинг изидан чопишибди, улар кетидан кайвонилар, тўйбошилар, дастурхончилар, ошпазлар югурибди. Гулнора қишлоқдан тўғри далага, ундан тоққа қочиб борибди. Тепалар устидан, ғорлар ичидан яширингани жой излабди, бироқ ҳамма ер унинг кўзига яланглик бўлиб кўринаверибди, қуваётганлар уни мана ҳозир тутиб, ўша ғамхона кулбага олиб кетадигандай туюлибди.

Гулнора атрофга кўз жавдиратибди, тошларга бағрини бериб йиғлабди. Узоқ-узоқлардан эшитилган товушлар ва кўринган шарпалар борган сари яқинлашавергач, уни ваҳима босибди.

Сочлари тўзиган, ҳоли паришон Гулнора тоғлар орасидан кичкина майдончага қочиб кирибди-да, уни бағрига олаётган сеҳрли кўринган тоққа ёлворибди:

Ялиндим эй баланд тоғ,
Раҳм қил... ҳолимга боқ!

Шундай дебди-ю, жон-жаҳди билан қайта-қайта куйлабди:

Ёрилгил тош,
Ёрил тош-а,
Мен сенга йўлдош,
Йўлдош-а...

Шундай дейиши билан қоронғилик қуюқлашиб, ҳаво гулдурабди, бирдан чакмоқ чақиб, тоғдан ўт кўтарилибди. Харсангтош шарақлаб ёрилибди.

Қизнинг кувончи ичига сиғмай кетибди. У қулочларини катта ёзиб тош ичига кириб, куйлабди:

Эй, харсангтош
Харсангтош-а...
Севинчимдан
Кўзда ёш-а...
Ёпилгин тош.
Ёпил тош-а,
Мен сенга йўлдош.
Йўлдош-а...

— Ты правду говоришь? За кого же? — чуть слышно выговорила Гульнора, потому что горло у нее перехватило.

— За мачехино сына. Я слышала, как они с отцом об этом говорили.

— Ой, смерть моя пришла! — вскрикнула Гульнора и надолго замолчала.

«Мало того, что столько мук на мою долю выпало, так ещё и силком за немилого замуж выдать хотят... какая же несчастная я!..» — печалилась девушка. Думала она, думала, как спастись от беды, да так ничего и не придумав, решила уйти из дома.

Крепко обняв и расцеловав сестричку, она выбралась через окошко на улицу и бросилась бежать куда глаза глядят.

Увидев такое дело, бросились за ней и дожидавшиеся, когда она нарядится, свахи, а за ними стряпухи, повара — все-все, кто только были в доме.

Убежав из кишлака, Гульнора кинулась в чистое поле, а оттуда в горы. Она искала убежища на скалистых вершинах, в глубоких ущельях, в тёмных пещерах и не могла найти, ей всё казалось, что всюду она будет на виду, вот-вот её настигнут преследователи и возвратят домой, туда, где ждут её печаль и слёзы.

Плача навзрыд, Гульнора во все глаза смотрела вокруг, ища пристанища, и доносившиеся издали голоса, топот ног приближавшихся людей ещё больше повергали её в ужас.

Растрёпанная, в изодранном платье бросилась она без памяти бежать дальше и вдруг увидела впереди огромную скалу и небольшую лужайку перед ней.

Умоляю я тебя, гора,
Пожалей меня, спаси меня, гора!*

— Взмолилась она. —

Ты раскройся, камень
Дорогой!
Ты отныне страж
Надёжный мой.

И — о, чудо! — не успела она произнести эти слова, как сгустились сумерки, загремел гром, сверкнула молния, полыхнул огонь и скала с треском и грохотом открылась, словно приглашая её войти внутрь.

Гульнора вошла и запела:

Эй, огромный камень,
Твёрдый камень,
Обольюсь от радости
Слезам.
Закрывайся, камень,
Закрывайся.
Больше никому
Не открывайся...

* Стихи в переводе Н. Красильникова.

Тош ёпилибди. Қиз узун сочларини йиғиб улгуролмабди — учи тош орасида қисилиб қолибди.

Шундан кейин ҳаво боягидай ёришиб кетибди.

Гулнора изидан юра-юра ота етиб келибди. У чоратрофни кўздан кечирибди. Қараса, из йўқ, тугаган. Харсангтошни айланиб чиқибди. Қиз йўқ эмиш. Бирдан бир тутам сочга кўзи тушиб қолибди.

— Қизим, жигарим... — дебди чол.

Тош ичига киргани йўл тополмабди. У йўғон овоз билан тошга ёлворибди:

Ёрилгин тош, ёрилгин-а,
Мен қизимни кўрайин-а,
Дийдорига тўяйин-а.

Тош ичидан жавоб эшитилибди:

Ёрилма тош, ёрилма-я,
Мен отамни кўрмайин-а,
Дийдорига тўймайин-а,
Аввал эди ўз отам-а,
Энди бўлди қайнатам-а.

Ота йиғлаб-йиғлаб қайтиб кетибди. Кейин ўгай она келиб, тошга ёлворибди:

Ёрилгин тош, ёрилгин-а,
Мен қизимни кўрайин-а,
Дийдорига тўяйин-а,

Тош ичидан жавоб келибди:

Ёрилма тош, ёрилма-я,
Мен онамни кўрмайин-а,
Дийдорига тўймайин-а,
Аввал эди ўз онам-а,
Энди бўлди қайнана-а.

Тош ёрилмабди. Кейин ака келибди. У йўғон, бўғиқ овоз билан куйлабди:

Ёрилгин тош, ёрилгин-а,
Мен синглимни кўрайин-а,
Дийдорига тўяйин-а.

Тош ичидан садо чиқибди:

Ёрилма тош, ёрилма-я,
Мен акамни кўрмайин-а,
Дийдорига тўймайин-а,
Аввал эди ўз оғам-а,
Энди бўлди куёвим-а.

Энг охири ҳамма кетиб бўлганда Оймома келибди, у бурро қилиб тошга дебди:

Ёрилгин тош, ёрилгин-а,
Мен опамни кўрайин-а,
Дийдорига тўяйин-а,
Муродимга етайин-а.

Тош ичидан жаранглаган овоз чиқибди:

Ёрилгин тош, ёрилгин-а,
Мен синглимни кўрайин-а,
Дийдорига тўяйин-а,
Муродимга етайин-а.

Тош шарақлаб очилибди.

— Опажон! — дебди Оймома.

— Оймома, жоним! — дебди Гулнора.

Опа-сингил қучоқлашиб кўришибдилар.

Тонг отиб, қуёш чиққанда қизлар тоғдан ошиб, кенг яйловга қараб кетишибди.

Улар узоқ йўл юришибди. Офтоб қиздира бошлабди.

— Опа, чанқадим, сув! — дебди Оймома.

— Сабр қил, синглим.

Гулнора уни юпатибди. Кўп йўл юришибди, узоқда ялтираб сув кўринибди. Бориб қарашса, кўлмак экан, Оймома сув ичгани интилибди.

Скала закрылась. Только — вот ведь беда! — Гульнора не успела подобрать волосы и прядь их осталась торчать наружу между сомкнутыми половинами скалы.

И снова стало светло, как прежде. А вскоре появился отец Гульноры, который все это время шел по ее следу. Остановившись у скалы, он осмотрелся и, к своему огорчению, увидел, что дальше идти некуда, след исчез. Он шаг за шагом обошел вокруг скалы, но нигде дочери не нашел. Вдруг взгляд его упал на торчащую из камня прядь волос.

— Доченька, кровиночка моя родная! — обрадовался отец, но, сколько ни искал возможности проникнуть внутрь скалы, не нашел.

Ты откройся, камень, ты откройся,
Разве ты не хочешь мне помочь?
Ты откройся, камень, ты откройся,
Я хочу свою увидеть дочь! —

что было силы закричал он и услышал ответ:

Камень, камень, ты не открывайся,
Замерли б навек мои уста.
Раньше он отцом любимым звался,
А теперь он хуже свёкра стал.

Обливаясь горячими слезами, возвратился отец домой. А вскоре вместо него явилась мачеха и тоже стала просить скалу:

Ты откройся, камень, ты откройся,
Чтобы мог отвлечь беду мою.
Я хочу увидеть наше солнце —
Доченьку любимую свою.

И снова донесся из скалы голос:

Ах, не надо, камень, открываться,
Камень, камень, друг надёжный мой!
Не хочу я с мачехой встречаться,
Ей не быть мне матерью родной.

И на этот раз не открылась скала. Тогда пришёл сын мачехи, сводный брат Гульноры, за которого её чуть было не выдали замуж, и грубым гнусавым голосом запел:

Ты откройся, камень,
Ты откройся.
Ты меня, сестрёночка,
Не бойся.

И опять, как прежде, из скалы донеслось:

Камень, камень, ты не открывайся,
Даже если буря, если гром...
Брат мой, братом ты не называйся,
Не хочу, чтоб ты был женихом.

Последней пришла Аймома и обратилась к скале:

Камень, камень дорогой, откройся!
Не уйду отсюда всё равно.
Камень, камень дорогой, откройся!
Я сестру не видела давно.

И тогда, наконец, послышался изнутри камня звонкий голос:

Ты откройся, камень добрый мой,
Слышу голос я сестры родной.
Слышу голос, от тоски немею,
Поскорее встретиться бы с нею.

И скала с грохотом открылась.

— Сестрица любимая! — радостно воскликнула Аймома.

— Родная ты моя! — плача от счастья, сказала Гульнора и бросилась обнимать сестричку.

Когда рассвело и солнце залило всё вокруг, сёстры спустились с горы и пошли в сторону раскинувшегося вдали пастбища.

Они шли долго, пока не стало припекать поднявшееся высоко в небо солнце.

— Я хочу пить, — сказала Аймома.

— Потерпи, сестричка, уже немного осталось нам идти, — успокоила её Гульнора.

И они пошли дальше, пока впереди не блеснула на солнце вода. Приблизившись, они увидели, что это всего лишь небольшая лужа, своими очертаниями похожая на волка. Аймома присела на корточки, чтобы напиться, но старшая сестра строго сказала ей:

— Ичма! — дебди Гулнора.

Кўлмак бўри сурат экан.

— Чанқадим, чидолмайман, — дебди Оймома.

— Ичсанг бўри бўлиб қоласан, — дебди Гулнора.

Нари кетишибди Йўлда яна кўлмак учрабди, худди айиқ ерга кириб ётган-у, унга сув тўлдирилгандай экан. Оймома югуриб бориб ҳовучини тўлдирибди.

— Ичма, айиқ бўлиб қоласан! — деб бақирибди Гулнора.

— Мени алдаяпсиз, — деб ўксинибди Оймома.

— Йўқ, оппоқ синглим, рост гап, — дебди Гулнора.

Энг охири улар тепа ёнбағридаги якка қайрағоч салқинида дам олгани ўтирибдилар.

— Опажон, чарчадим, уйқум келяпти.

У Гулноранинг тиззасига бош қўйибди.

Чўл тўрғайлари гаа-гала бўлиб учиб юрар ва якка қайрағочга кўниб сайрашар экан. Тўрғайлар учишини томоша қилиб ўтириб, Гулноранинг кўзи уйқуга кетибди...

Оқ каптар осмонда болаларини учуриб парвоз қилиб юрар экан. Аллақасдан қирғий пайдо бўлиб, каптар болаларига ҳамла қилибди. Она каптар болаларини қутқаргани қирғийга қарши борибди, аммо кучи етмабди, қирғий она каптарни тепиб майиб қилибди. Каптар чархпалак бўлиб тушибди. Гулнора уни ердан кўтарганда она каптар зўрға нафас олар, тепада эса қирғий унинг болаларига чангал солар экан. Гулнора қирғийга ўдағайлаб қичқирибди ва уйғониб кетибди.

Қараса, Оймома йўқ, атрофдан ҳаё-ҳув деган овозлар эшитилар, отилган ўқ-ёйлар якка қайрағочга келиб санчилаётган эмиш.

— Оймома! — деб қичқирибди Гулнора жон-жаҳди билан.

Бирдан унинг олдида чиройли кийик бола пайдо бўлибди.

— Ма-а-а-а-н-н... — деб маърабди у.

— Синглим! — деб кийикни қучоқлабди Гулнора. Унга воқеа аён бўлибди: улар Кийиккўл ёқасида дам олгани ўтирган эканлар. Гулнора ширин уйқуга кетганда, Оймома сув излаб, шу кўлдан чанқоғини қондирган экан — кийик бўлиб қолибди. Овчилар кийикни кўриб, камондан ўқ узмоқда эканлар.

— Қочайлик, — дебди Гулнора, лекин улгуришмабди, чунки овчилар яқинлашиб қолган эканлар. Қизлар яширинмоқчи эканлар, олдиларидан одамлар чиқиб қолибди, иккинчи ёнга отилибдилар — бўлмабди, яна олдиларидан одамлар чиқиб келибди, тўғрига қочибдилар, яна бўлмабди, кўл йўлларини тўсибди. Ниҳоят улар дарахт устига тирмашибдилар.

Қуролли кишилар атрофни ўраб олишибди. Улар роса излашибди-ю, лекин ўлжа топилмабди. Овчилар энди нима қилсак экан, деб кўл лабига ўтирибдилар. Бир неча дақиқа жимликдан кейин бошлиқ бақириб юборибди. У — подшо, қуроллилар — унинг лашкарлари экан.

— Ана!

— Не пей!

— Не могу я больше терпеть, жажда меня замучила! — заплакала Аймома.

— Не пей! — повторила Гульнора. — Попьёшь — в волчицу превратишься!

Они пошли дальше. Вскоре на их пути повстречалась ещё одна лужа, похожая на медведя. Аймома бросилась к ней, зачерпнула ладошкой воды.

— Не пей, в медведицу превратишься! — закричала Гульнора.

— Обманываете вы меня! — обиделась Аймома.

— Нет, сестричка, чистую правду я тебе говорю, — ответила Гульнора.

Наконец они дошли до высокого холма, у подножья которого рос густой тенистый карагач, и сели отдохнуть.

— Я устала и спать хочу, — пожаловалась Аймома и, положив голову на колени сестры, задремала.

Гульнора сидела, стараясь не потревожить сестричку, слушала весёлое щебетание жаворонков, и не заметила, как сама заснула.

В это время высоко в небе белая голубка учила своих птенцов летать. Вдруг, откуда ни возьмись, появился кровожадный ястреб и кинулся на молодых голубят. Мать-голубка бросилась защищать их, но не смогла одолеть огромную хищную птицу и, раненая, упала на землю. Когда Гульнора подняла её, голубка едва дышала, а там, в небе, безжалостный ястреб продолжал расправляться с птенцами. Гульнора, собрав все силы, закричала на него и... проснулась.

Осмотревшись вокруг, она увидела, что сестрички на месте нет, со всех сторон слышатся чьи-то голоса, а в стволе карагача торчат выпущенные из лука стрелы.

— Аймома! — ужаснувшись, закричала Гульнора и вдруг увидела перед собой словно возникшего из-под земли оленёнка.

— Я-а-а-а! — жалобно отозвался он.

— Сестричка моя, что с тобой стало! — обняла оленёнка Гульнора и заплакала. Ей сразу всё стало ясно. Они присели отдохнуть неподалеку от Оленьего озера, и когда Гульнора заснула, Аймома отправилась искать воду, а найдя её, напилась и превратилась в оленёнка. Охотники, увидев его, стали стрелять из луков, и выпущенные ими стрелы попали в карагач.

— Бежим отсюда! — сказала Гульнора, но было уже поздно, охотники — а это были падишах и его свита — окружили дерево со всех сторон. И тогда сестры, помогая друг дружке, вскарабкались на высокое дерево.

Прибежали охотники, глядят — никого нет. Сели они на берегу озера и призадумались: куда оленёнок подевался, как его добыть? Вдруг один из них — сам падишах — как закричит:

— Вот он! — и указал рукой вперёд.

Ҳамма кўлга тикилибди. Қарасалар, кўл ичида сулув бир қиз ва чиройли кийик ўтирган эмиш.

— Олиб чиқинглар!

Лашкарлардан бири кўлни кечибди. Қиз ва кийик ғойиб бўлибди. Подшо тепага қарабди, сулув қиз қайрағочда ўтирган экан.

— Одаммисан ё жин?

— Одам.

— Бу қандай кийик?

— Ҳамроҳим! — бошқа ҳеч нарса демабди Гулнора.

Шоҳ Гулнорани яхши кўриб қолибди, юртига олиб кетиб, қирқ кечаю қирқ кундуз тўй қилиб унга уйланибди.

Подшонинг Бекойим исмли хотини бор экан. Бекойим биринчи кунданоқ Гулнорани ёмон кўрибди, рашк қилибди, аламидан кийикни занжирга солдирибди, подшо Гулнорага атаб келтирган ҳадяларни тортиб олибди. У сеҳргар деб подшога чақибди, хуллас, Гулнорага тинчлик бермабди.

Ойлар ўтибди.

Бекойим неча йиллардан бери подшога шаҳзода туғиб беришни ўйлар экан-у, аммо орзусига етолмас экан. Унинг бахтига қарши Гулнора ҳомиладор бўлибди. Буни эшитиб, у яна ҳам ғазабланибди.

Шоҳ эса севинчидан катта базм қилибди ва бўлажак шаҳзода учун ўлжалар келтиргани овга чиқиб кетибди.

Подшонинг сафарга кетгани Бекойимга кўл келибди.

Байрам кунлари экан. Бекойим шоҳона ҳовуз бўйидаги қайрағочга ҳайинчак солиб, Гулнорани чақирибди. Содда қиз Бекойимнинг марҳаматидан кўнгли очилиб, ҳайинчакда учгани рози бўла қолибди.

Гулнора забт билан учиб, қайрағоч бўйи кўтарилибди, кўрган кишининг юраги шувиллар экан.

Бекойим пайтни кўлдан бермабди. Гулнора баландлаб ҳовузга қараб учганда арқонни шартта кесиб юборибди.

«Вой-дод!..» дебди-ю, Гулнора ҳовузга тушиб чўкиб кетибди.

Сарой тўс-тўполон бўлибди.

Шоҳ олдига чопар жўнабди.

Овдан ошиғич қайтган шоҳ Бекойимнинг касаллигини эшитибди.

У тўғри касал олдига келибди. Бекойим кўрпага

ўралиб ётиб олган экан: унинг ёнида табиб гирдикапа-лак бўлаётганмиш.

— Бахтсизлик... — дебди Бекойим йиғлаб.

— Нима гап? — деб сўрабди шоҳ.

— У сеҳргар десам ишонмадинг. Мана оқибат.

— Нима гап? — деб сўрабди подшо.

— Менга заҳар... — гапиролмабди... Табиб унинг гапини давом эттирибди:

— Келинчак Бекойимга заҳар ичириб, ўзи қочибди.

— Оҳ, маккор... — деб қичқирибди шоҳ жон-жаҳди билан ва дарров аскарбошилари чақирибди:

— Эшитинглар, — дебди у... — Гулнора қочқин, хиёнаткор. Боринглар, қайдан бўлса ҳам топиб келинглар.

Қўшин қизни ахтариб кетибди. На чўл қолибди, на дара. Қиз топилмабди.

Кунлар ўтаверибди. Кийик бола ўйнамас, доим хўрсинар, кундузлари ҳовузга тикилиб, дув-дув ёш тўкар экан, бу ҳол Бекойимни ғазаблантирибди.

Бекойим шоҳсупада ётганида, шоҳ ундан ҳолини сўрагани келибди. Бекойимнинг гапиришга ҳам мадори етмабди.

— Аҳвол оғир, — деб жавоб берибди табиб. — Бунинг биттаю битта давоси бор... — дебди-ю, жим бўлибди у.

— Ҳар қандай мушкул даво бўлса ҳам айт, — дебди шоҳ, кийик болани силаб туриб.

Табиб ботинолмай кийикка имо қилибди.

— Кийик! — дебди подшо, уни ўзидан нари итариб.

— Сўйишни буюринг, — дебди табиб. — Касал кийик гўштини еса тузалади.

Шоҳ жим бўлиб қолибди... Кийик бола ҳовуз лабига чопибди.

— Овчиларга буюрай, шундай кийик отиб келсинлар.

— Йўқ, фақат шу кийик гўштини еса тузалади, дебди табиб.

— Афсус... эслик кийик эди... — деб тиззасига бир урибди подшо. — Начора... Розиман.

Бекойим мийиғида кулиб қўйибди. Кийик эса ичидан куйиб йиғлабди, аммо ҳеч ким эътибор бермабди, ҳамма ўз иши билан банд экан-да.

Хилват чоғларида — эрта саҳарда, кун қизиганда ва кечқурунлари Оймома ҳовуз ёнига бораркан-да, шу ашулани эшитар экан.

Глянули охотники, и увидели в озере прекрасную девушку и стройного красивого оленёнка.

— Приведите их ко мне! — приказал падишах.

Один из воинов тотчас бросился в воду и поплыл, да вернулся ни с чем — исчезли девушка с оленёнком, будто и не было их.

Посмотрел падишах вверх и увидел притаившихся на крепких ветвях карагача девушку с оленёнком.

— Кто ты — человек или джинн? — спросил он.

— Человек.

— А что за оленёнок с тобой?

— Это мой попутчик, — ответила Гульнора, а больше ничего не стала говорить.

Падишах с первого взгляда полюбил Гульнору, привёз её к себе во дворец и сыграл свадьбу, которая длилась сорок дней и сорок ночей.

А была у падишаха ещё одна жена по имени Бекаим. Очень невзлюбила она Гульнору, ревновала её к падишаху и всё время старалась обидеть: посадила оленёнка на цепь, отняла подарки, которые сделал ей падишах, и даже пустила слух, будто Гульнора злая колдунья.

Бекаим многие годы больше всего на свете желала родить падишаху сына и тем ещё больше привязать его к себе, но мечте её не суждено было сбыться. А тут как назло, узнала она, что Гульнора скоро должна стать матерью и ещё больше возненавидела её.

Падишах услышав о том же, на радостях затеял пир на весь мир и, собрав многочисленную свиту, отправился на охоту — добывать редкостные трофеи в подарок будущему принцу.

Отъезд падишаха оказался Бекаим на руку. Она решила воспользоваться этим, чтобы сжить со свету ни в чём не повинную Гульнору.

Однажды, в праздничный день, она приказала привязать качели к могучему дереву, что росло на берегу дворцового водоёма, и позвала Гульнору кататься. Простодушная Гульнора поверила в её добрые намерения и с радостью согласилась.

Слуги, повинувшись приказу Бекаим, стали из всех сил раскачивать качели, и Гульнора взлетала на них чуть ли не до макушки дерева, так что у всех, кто видел это, дух захватывало.

Бекаим, между тем, не теряла зря времени. В тот момент, когда качели, взлетая вверх, оказались как раз над водоёмом, она одним махом обрезала верёвку и Гульнора рухнула в воду. Бекаим же, упав на землю, закричала:

— Ой, худо мне, помогите, люди добрые!

Тут все бросились к ней, а про Гульнору даже и не вспомнили. Переполох начался такой, что никакими словами не описать. В тот же час отправили к падишаху гонца с вестью о том, что Бекаим тяжко захворала.

Падишах тут же возвратился с охоты и тотчас направился к больной. Бекаим лежала, укутанная в пуховые одеяла, а возле неё хлопотал самый знаменитый в государстве лекарь.

— Беда стряслась, мой повелитель... — еле слышно прошептала Бекаим и залилась слезами.

— Что случилось? — спросил падишах.

— Не поверили вы мне, когда я говорила, что она колдунья...

— Что случилось? — повторил свой вопрос падишах.

— Яд... — Больше Бекаим говорить не смогла и за неё досказал таиб: — Ваша младшая жена, о, великий падишах, подсыпала ей яду, а сама исчезла.

— О, коварная! — в ярости вскричал падишах и, призвав своих военачальников, сказал: — Слушайте и повинуйтесь! Гульнора беглянка и подлая преступница! Разыщите её и доставьте ко мне!

И отправилось бесчисленное войско на поиски Гульноры. Все степи обошли верные падишаху воины, все горы облазали — нигде её не нашли.

Шли дни за днями. Оленёнок не играл, не резвился, только смотрел в сторону водоёма и из его печальных глаз катились крупные слёзы. Это приводило Бекаим в ярость неопишемую.

Однажды пришёл к ней падишах, чтобы справиться о здоровье. Бекаим прикинулась такой слабой, будто у неё даже нет сил говорить.

— Состояние больной тяжёлое, — скорбно вздохнув, сказал падишаху лекарь. — Одно только есть средство... — Сказал и замолк.

— Говори! Какое бы редкостное средство ни было — повелю добыть! — сказал падишах, поглаживая голову полюбившегося ему оленёнка.

Таиб молча указал глазами на бедное животное:

— Вели зарезать оленёнка и приготовить из него кушанье. Отведает больная оленятинки, и выздоровеет.

Выслушал его падишах и сказал:

— Сию же минуту повелю охотникам добыть такого же оленёнка.

— Нет, поправится она только лишь поев мяса этого оленёнка.

— Жаль, славное было животное, — вздохнул падишах. — Да ничего, видать, не поделаешь... Согласен...

Бекаим, услышав это, молча усмехнулась. Оленёнок же заплакал и кинулся к водоёму.

Когда возле водоёма не бывало людей — на рассвете, в знойный полдень и после захода солнца — приходила сюда Аймома и слушала доносившуюся из глубины его песенку:

Айланайин қароғим,
Кечалари чароғим.
Қўлимдаги туйғуним,
Гапга тушган уйғуним.
Алла болам, алла-ё,
Жоним қўзим, алла-ё.

Ҳозир эса у узоқ-узоқдан айтилган шу майин аллани
эшитибди:

Айланайин ойдиним,
Қоши камон ёйдайим.
Қўлимда толпинганим
Лочин қарчиғайдайим.
Алла болам, алла-ё,
Жоним болам, алла-ё.

Ҳовлида ошпазлар пайдо бўлибди, ўчоқ кавлаб
дошқозонлар қуришибди. Қассоблар келиб, қайрағочга
сиртмоқ солишибди, катта қайроқларга уриб, пи-
чоқларни қайрай бошлашибди, сўнгра кийикни ушлаб
оёқ-қўлларини боғлашибди.

Одамлар йиғилибди.

Қассоб ўлжасини тилка-пора қилмоқчи бўлган
бургутга ўхшар экан. У кийикнинг бўғзига пичоқ тиғини
қадаб, тортиб юбормоқчи бўлиб турган экан ҳамки,
кийик дод солиб:

— Э, подшоҳ, қулоқ сол менга... Бир ўтинчим бор,
сўйлайин сенга, — дебди.

Қассоб донг қотиб қолибди, кийик бургут чангали-
дан қутулган қуш сингари, ҳовузга қараб юмаланибди-
да, сувга термилиб куйлабди:

Яхши кўрган опагон
Оймомагон ёлворар...
Сен чиқмасанг ҳовуздан
Синглинг жондан айриллар...

Ҳамма қулоқ солибди.
Ҳовуздан жавоб эшитилибди:

Юрак бағрим эзилди.
Ғам чекмоқдан, оппоғим
Юрай десам мадор йўқ,
Учай десам қанотим...

У меня на руках моё счастье,
Яркой свечкою озарено.
Начинает уже улыбаться,
Говорить начинает оно.
Баю-баюшки, мой козлёнок,
Милый мой, непослушный ребёнок.

Сейчас же она услышала такую песню — грустную и протяжную:

Лунный мой свет,
Дивный мой свет.
Красивее нет,
Желаннее нет.
Баю-баюшки, орлёнок,
Вырастай скорей, ребёнок.

По приказу первого визиря явились повара, соорудили посреди двора очаг, установили на нём большущий чугунный казан. Следом за ними прибыли мясники и, изловив оленёнка, стали точить огромные ножи.

Собрались отовсюду люди и главный мясник уже приготовился вонзить нож в несчастную жертву, как вдруг оленёнок закричал человеческим голосом:

— О, великий падишах, позволь исполнить последнее моё желание!..

Мясник, услышав такое, от изумления словно окаменел и даже выронил из рук нож. Оленёнок же, подобно вырвавшейся из орлиных когтей птице, кинулся к водоёму и, глядя в воду, зашел:

Милая моя сестрица,
Впору мне, несчастной, утопиться.
Если не поднимешься со дна,
Не останусь больше я одна.

Все затихли, прислушались. И из глубины водоёма донеслось:

Слышать плач твой — горькое несчастье,
Сердце разрывается на части.
Силы нету — по земле ступать,
Крыльев нету, чтоб могла летать.

Оймома яна яқинроқ бориб йиғлабди:

Дошқозонлар қурилган,
Қўш пичоқлар қайралган.
Тезроқ чиққин, опажон,
Томоғимга қадалган.

Ҳовуздан баралла овоз эшитилибди:

Пат гиламлар тагимда,
Қўш бешиклар ёнимда.
Қандай чиқай, жон ука,
Ҳасан-ҳусан қўлимда.

Бу куйлаган Гулнора экан. Базмга йиғилган халқ кўмакка югурибди.

Бировнинг кўлида кўза, бировда обдаста — ҳовуз сувини сепа бошлабдилар.

Кўпдан ёв қочиб қутулмас, дегандай, тезда ҳовуздаги сув соб бўлибди.

Ҳамма шундай манзарани кўрибди: ўртада ойдай Гулнора — икки ёнида тилла бешик, унда суқсурдай икки бола — Ҳасан ва Ҳусан ётган эмиш. Уларни олиб чиқибдилар.

Гулнора Оймомани қучоғига олар экан:

— Мени ҳаётга сен қайтардинг, синглим, — деб кийикни ўпибди. — Мана сенга даво. Ич, — дебди.

Кийик оғзига бир қултум сувни қуйган экан, сеҳр ечилибди.

Кийик тик туриб қоқинибди, устидаги тери сидирилиб тушибди-да, ҳамманинг кўз олдида ёш қиз — Оймома пайдо бўлибди.

Одамларнинг қувончи ичига сиғмай кетибди. Ҳамма сир аён бўлгач, подшо Бекойим олдига югурибди, қараса, Бекойим йўқ эмиш.

— Қочқин! — деб бақирибди шоҳ жон-жаҳди билан.

Тезда Бекойим билан табибни тутиб келтирибдилар. Шоҳ:

— Буларни қирқ отнинг думига боғлаб, чўлга ҳайданлар! — буюрибди.

Бекойим ялинибди, йиғлабди. Бўлмабди. Шунда:

— Ундай бўлса мана сенга, подшо, — дебди Бекойим ва подшо кўксига ханжар санчибди, — бирга турдик, бирга ўлайлик.

— Оҳ, — дебди шоҳ ва ерга йиқилиб жон берибди. Шоҳнинг одамлари Бекойим билан табибни ушлаб ҳукми бажарибдилар.

— Гулнора, ўзинг адолатли ҳукмдоримиз бўл! — деб қичқирибди оломон.

Шундай қилиб Гулнора, Оймома, Ҳасан-Ҳусан ва эл тинчликда ошларини ошабдилар, ёшларини яшабдилар.

Аймома подошла ещё ближе к воде:

Точат острые ножи мясники,
Неразумной мне, сестра, помоги.
Из воды выходи поскорей,
Раздаётся звон ножей всё сильней.

Из водоёма явственно послышался голос Гульноры:

Нет, не выйти мне из хауза, сестра,
Рядышком со мною два ковра.
Два бешика* новых на коврах,
У меня Хасан с Хусаном на руках.

Все, кто пришел посмотреть, как будут резать оленёнка, бросились на помощь, стали — кто кувшином, кто ведром, а кто и просто ладошкой — воду вычерпывать, а когда вычерпали, то увидели: сидит посреди водоёма луноликая Гульнора, а по обе стороны от неё — бешики из червонного золота, и в них два прекрасных младенца — близнецы Хасан и Хусан. Подняли их на руки люди и вынесли на берег.

Обняла тут Гульнора оленёнка, расцеловала и сказала при всём честном народе:

— Это ты, сестричка дорогая, меня к жизни вернула. Вот тебе снадобье, выпей.

Отхлебнул оленёнок глоток снадобья, и свершилось чудо. Вмиг спала с него шкура и предстала у всех пред глазами славная девочка Аймома.

Обрадовались тут все несказанно, а разгневанный падишах побежал к Бекаим, чтобы достойно наказать негодницу, да её уже и след простыл.

— Догнать и привести её ко мне! — приказал падишах, и вскоре верные воины изловили беглянку, а вместе с ней и лекаря, и доставили их во дворец.

— Привяжите их к хвостам сорока лошадей и пустите в степь! — распорядился падишах.

Упала тут на колени Бекаим, стала рыдать, молить о прощении, но падишах был непреклонен. И тогда она, выхватив кинжал, вонзила его в грудь падишаха:

— Раз так, то вот тебе, умри вместе со мной!

— Ох! — только и выдохнул падишах и упал замертво. А верные ему воины, схватив Бекаим и лекаря, казнили обоих.

— Гульнора, будь ты теперь нашей справедливой правительницей! — закричал народ.

И стали с того дня Гульнора, Аймома, Хасан и Хусан жить вместе со своим добрым и трудолюбивым народом в мире и благополучии.

* Бешик — люлька.